

Александр Блок

**О любви, поэзии и
государственной службе**

Александр Александрович Блок

**О любви, поэзии и
государственной службе**

«Место действия: городская площадь на берегу моря.
Над водою сидит с удочкой Шут. К нему подходит Поэт
в задумчивости...»

Содержание

Александр Блок О любви, поэзии и государственной службе Диалог	0004
#2	0021

Александр Блок О любви, поэзии и государственной службе Диалог

Влюбленный поэт .

Шут – здравомыслящий человек неизвестного звания.

Придворный .

Несколько нищих .

Место действия: городская площадь на берегу моря. Над водою сидит с удочкой Шут. К нему подходит Поэт в задумчивости.

Поэт. Не раз замечал я, что вы удите рыбу в здешних водах. По всей видимости, вы – бедный рыбак? **Шут.** На ваш гамлетовский вопрос я могу ответить: да, господин. Особенно удачна ловля в такие дни, как сегодня: море мутно, пыль столбом; добыча слепнет и прямо бросается на удочку. **Поэт.** И что же, хороший бывает улов? **Шут.** Как когда. Вот недавно мне удалось поймать огромную рыбу. Я уверен, что она останется довольна мной. **Поэт.** Рыба довольна вами? **Шут.** Тут нет

ровно ничего удивительного. Я долго учил ее здравому смыслу и политической экономии. А иногда вся рыба какая-то бешеная: так заносчива, что ни за что не пойдет на мою удочку.**Поэт.** Не понимаю ваших слов. Вы говорите о рыбах, точно о людях.**Шут.** О, да, господин. Такому шутнику и добряку, как я, свойствен аллегоризм: по заветам Писания, я уловляю человеков.**Поэт.** Право, с вами весело разговаривать. Что же вы делаете с вашими рыбами?**Шут.** Я выпускаю их на свободу дрессированными: они больше никогда не тоскуют, не ропщут, не тревожатся по пустякам, довольны настоящим и способны к труду.**Поэт.** Слова ваши дышат горячим убеждением. О, если бы и мне узнать вашу науку. Но боюсь, что вы увлекаетесь: море обширно, а всех рыб все равно не переучить.**Шут.** О, нет, я твердо надеюсь на них. Наука моя – заразная, веселая наука.**Поэт (в сторону)** . Однако, он читал Ницше!**Шут.** Одна рыба научит другую. А я сам поспею, где угодно, на моей легкой лодочке здравого смысла.**Поэт.** Ваша жизнерадостность заставляет меня задумываться...**Шут (восторженно)** . О, да, я оп-

тимист. Смело, положая руку на сердце, скажу вам и еще: я идеалист. Я патриот. Я участвую в культурном строительстве. Всякий, кто последует за мной, будет пользоваться равенством, довольством и здоровьем, ибо на знамени моем начертано: здравый смысл. Я и прогресс – одно.

Поэт. Не поделитесь ли со мною вашим опытом?

Шут. С радостью, господин. Охотно бросаю удочку, чтобы поговорить с вами.

Поэт. Но кто же вы такой? Чтобы довериться вам, я должен узнать вас ближе.

Шут. Умалчивая по скромности, что я – самый нужный человек в городе, могу отрекомендоваться аллегорически: я – благоразумнейший из участников нашего диалога, и потому чувствую свою ответственность перед читателем. Если вы будете удлинять беседу праздными раздумьями, – гнев читателей падет на меня: вы – первый любовник, который всегда выходит сух из воды, а я – простой прихлебатель и дорожу своим временем и спиной.

Поэт (*в раздумьи*) . Этот человек говорит неспроста. Его грубая народная мудрость легко ложится на мою тоскующую душу.

Шут. Решайтесь же поскорее, господин. А то, скучно

читать ваши мысли.**Поэт.** Вы правы, друг. От ваших слов веет здоровьем. Но почему вы заговорили о читателях?**Шут.** Я, господин, просто говорю, что пора оставить лишние разговоры и перейти к делу. По некоторым признакам я вижу, что сам сочинитель нашего разговора большой путаник. Без меня дело не обойдется – здравый смысл всегда придет на помощь авторской фантазии.**Поэт.** Окончательно ничего не понимаю. Но знаю, что корни народной мудрости – темны и узловаты. Вы возбуждаете во мне доверие. Будьте поверенным моей души. Знаете ли вы, кто я?**Шут.** Отлично знаю. Вы – поэт, тоскующий в окружающей пошлости. Жалобы свои вы изливаете в стихах, хотя и прекрасных, но непонятных, так как дух ваш, вероятно, принадлежит иным поколениям.**Поэт.** Клянусь, это так!**Шут.** Сверх того, вы еще – прекрасный юноша, страстно влюбленный в не менее прекрасную даму.**Поэт.** Ни слова больше! Вы – сердцеводец! Скажите мне прежде всего, как мне вести себя с прекрасной дамой?**Шут.** Советую вам прежде всего посвятить ей одно из ваших стихотворений. Или, еще лучше, – це-

мый том.**Поэт.** О, это уже давно сделано!**Шут.** В таком случае, вам следует проводить с нею часы над морем, намекая, что ваша любовь так же широка, как оно.**Поэт** (*полубессознательно*).

В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега...

Шут. Или, наконец, расталкивать перед ней народ на площади, хотя бы подвергаясь обвинениям в неумении вести себя на улице.

Поэт. О, все эти средства испытаны, милый друг.

Шут. И все-таки, ваша дама остается непреклонной?

Поэт. К сожалению, да. Она смотрит на меня, но как бы не замечает меня.

Взор ее всегда устремлен в даль.

Шут. Судя по вашим словам, господин, ваша дама очень эксцентрична.

Не страдает ли она склонностью к либерализму?

Поэт. Я убежден, что она выше всех ходячих формул.

Но ей дорога свобода – не так ли вы хотели выразиться?

Шут. Извините, что грубо выразился; служение ближним заставляет быть грубым на словах,

хотя и нежным душою. Итак, мой последний совет вам – написать гражданские стихи.

Поэт. Вы правы, я напишу гражданские стихи!

Обличительные стихи!**Шут.** Но только раз, только раз, господин! Не советую вам вообще пускаться в обличительную литературу. Это – не ваша область, вы – чистый художник. Ваши туманные образы всегда найдут с десяток чутких ценителей. Неужели вам приятнее действовать на низшие инстинкты толпы, чем усладить вкус избранных?**Поэт.** Из духа вашей же мудрости я почерпаю глубокую идею: литература должна быть общественной! Напрасно упрекать толпу в невнимании к утонченной поэзии! Толпа по-своему чутка и знает, что ей нужно! Литература должна быть насущным хлебом!**Шут.** Вы все еще неверно толкуете мои слова. Напрасно вы стараетесь вырвать из души вместе с плеведами – глубокие истины. Презрение к толпе – вот отличие высокого ума. Толпа не чутка, а только падка на приятное, потому общественная литература ей вредна. Литература развивает фантазию, фантазия – мать бездны. Бездельники и взбалмошные головы вредны для народного благосостояния, как это достаточно показали герои Горького. Да, литература положительно вредна. И в этом-то разговоре

я участвую только затем, чтобы он скорее кончился.**Поэт.** Какое остроумие! Да вы – символист! Я и сам не поклонник Горького...**Шут.** Что значит – «человек слова»? Вы так восхитились моей речью, что как будто совсем забыли о даме. А между тем моя прямая цель – содействовать тому, чтобы вы скорейшим образом добились ее руки.**Поэт.** Но я вовсе не добиваюсь ее руки... Я люблю ее нездешней любовью...**Шут.** О, господин, сколько же времени мы потеряли зря! Ведь я даю советы только в реальных делах, когда дело идет о браке, о протекции, о заключении торговой сделки...**Поэт.** Я прощаю вашу грубость; она искупается глубиной и мудростью ваших слов. Делайте что хотите, только излечите меня от тоски!**Шут.** Нечего вам тосковать, лучше найдите себе какое-нибудь дело. А главное – не говорите так медленно и задумчиво, а лучше помолчите пока. Я замечаю, что вокруг нас собираются нищие: полагаю, что их скоро разгонят; мы насладимся благородным зрелищем восстановления порядка.

Появляется придворный, вышедший на прогулку. Его окружает несколько нищих. Видя,

что все равно не уйти, он обращается к ним с речью.

Придворный. Господа, я готов дать полезные указания. Стоя на страже интересов страны, мы, придворные, чутко прислушиваемся к народному голосу. Прошу вас излагать ваши мысли возможно короче и точнее. **Нищий.** Я голоден. **Придворный.** Гм. Это кратко, но неточно. **Шут.** Позвольте обратить внимание Вашей светлости на неразвитость этого человека. Он будет выражаться грубо, пока образование не коснется его. **Придворный.** Все силы правительства устремлены на просвещение. Но не беспокойтесь – в наше время приходится выслушивать еще более оскорбительные вещи. Позвольте узнать, с кем имею дело? **Шут.** В настоящий момент – я слуга Вашей светлости и народный трибун. **Придворный.** Более чем приятно слышать. Я всегда ждал появления людей, которые рассеют недоразумения между народом и правительством. По-моему, для этого стоит только обладать здравым смыслом. **Шут.** Всю жизнь я служу здравому смыслу и устраняю всякое трение, препятствующее сближению как част-

ных лиц, так и общественных сил. **Придворный.** В таком случае, чтобы испытать вас, я попрошу вас передать народу, что требуется в данном случае. **Шут** (обращаясь к нищим) . Господа, ваши просьбы, надеюсь, вполне законны. В частности, желание этого человека будет рассмотрено в ближайшем будущем. Правительство, без сомнения, не меньше вас печется о народной сытости. Но, как люди заинтересованные, вы сами можете рассудить, что на это понадобится время. В настоящий момент правительство занято неотложными делами.

Нищие не могут ничего возразить. Придворный сочувственно жмет руку шута. Поэт отводит шута в сторону.

Поэт. Неужели здравый смысл велит поступать так? **Шут.** Да, мы поступили вполне согласно с его указаниями. **Поэт.** Неужели нельзя накормить этих нищих? **Шут.** Ваша прямолинейность удивляет меня. Разве вы не видите, что мы делаем все, что можем. **Поэт.** Вы откладываете дело в долгий ящик. **Шут.** Вы все еще не понимаете сути дела. До чего вы несовременны! Здравый смысл хорош то-

гда, когда он согласуется с требованиями политической экономии.**Поэт.** Никакая наука не заставит людей голодать!**Шут.** Кроме самой тонкой науки. Осмелюсь упрекнуть вас в незнакомстве с положением дела: если вы накормите одного нищего, явится десять других. Если дадите послабление одним, вы поставите в рискованное положение других. Это – выше всех частных стремлений.**Поэт.** Это – мерзость, а не здравый смысл!**Шут.** Благородное негодование может даже выдвинуть человека. Только пользуйтесь им в меру. Тогда всякий увидит, что вы приносите личные интересы на алтарь общественности.**Придворный** (*окруженный нищими, говорит речь*) . Я ручаюсь, господа, что все вы, так или иначе, будете удовлетворены. Лозунг правительства свободной страны – начала твердой законности. Начала эти уже сами по себе плодотворны. (*Голос его становится проникновенным.*) Из них, как из хлебного зерна, вырастет пышная жатва. Основой современного государства служит уже не темный произвол правителей, но зиждательный труд и гуманное отношение между подданными и правитель-

ством. **Поэт** (*шуту*) . Удивляюсь терпению этого болтуна. **Шут**. Клянусь вам, что удивляться решительно нечему. Сто раз уже повторялись диалоги нищих и придворных. Сочинитель диалога, в который я затесался, пойдет, по-видимому, по проторенной дорожке. Ему выгодно выставить всякого придворного в глупом виде. **Поэт**. Опять вы говорите символами. Неужели можно забыть, что существуют богатые и бедные? **Шут**. Позвольте вам заметить, что говорить пошлости и сентиментальничать неприлично поэту. Здравый смысл помог бы вам быть выше всех этих мелких интересов, в которые вы уходите с головой. Неудивительно, что вам некуда деваться от тоски. **Поэт**. Я понимаю, вы учите меня народной мудрости. Но если я не в силах переносить вечной трагедии? Что, если я разобью себе голову о то, что вы называете пошлостью и сентиментальностью? **Шут**. Глубоко современны ваши идеи. Нашим веком они унаследованы от девятнадцатого. Но вспомните только, что Федор Михайлович Достоевский, певец униженных и оскорбленных, был вместе с тем поклонником самодержавия, – и вы

поймете меня. **Поэт.** Все-таки я напишу обличительные стихи... **Шут.** Опять! Вы приводите меня в ужас! Увольте меня, я больше не буду давать вам советов. Подойдите лучше к господину придворному и постарайтесь устроить себе карьеру.

Поэт гордо, но послушно, направляется к придворному. Придворный милостиво смотрит на поэта.

Придворный. Мне кажется, вы имеете ко мне дело, молодой человек. Судя по платью и манерам, я заключаю, что вы принадлежите к порядочному обществу и обладаете воспитанием достаточно тонким, чтобы не затруднять деловых людей щекотливыми просьбами. Если не ошибаюсь, вы поэт? **Поэт** (*несколько польщенный*). Да, до сегодняшнего дня я писал стихи, но не ожидал их широкого распространения. Тем более неожиданно для меня ваше знакомство с ними. **Придворный.** О, я прекрасно знаю ваши стихи, молодой человек. Вы найдете во мне истинного ценителя субъективной лирики. Если не ошибаюсь, вы, как некогда Петрарка, в мистических исканиях ваших создали интимный культ жен-

щины и женской любви? **Поэт.** Это не совсем так... Но, конечно... **Придворный.** О, простите, если я не вполне понял вас. Постоянные государственные заботы, как хотите, делают человека менее чутким к прекрасному. Но наградой за некоторую утрату личности служит зато сознание свято исполненного долга. Занятому человеку не приходится слишком много раздумывать и сожалеть. **Поэт.** Последние ваши слова очень важны для меня. Меня привело к вам именно желание пожертвовать своей фантазией общественному благу. **Придворный.** О, молодость, как я люблю тебя! Ты вся – в этих крайностях! В ваши годы и я был такой же горячей головой, молодой человек. Откровенно скажу вам, что и я когда-то писал стихи... **Поэт.** О, неужели? Прочтите... **Придворный** (*строго прерывая*) ...Но мне показалось, что поэтическая фантазия будет помехой моему призванию. И теперь, навеки отдавшись чужому благу и утратив личную жизнь (*как видите, мне и гулять не дают спокойно*), я порою раскаиваюсь, что перестал писать стихи... Быть может, во мне погиб поэт. (*Сморкается.*) Итак, ссылаясь на свой личный опыт, я

спешу предупредить вас, что зарывать талант – грех. **Поэт.** Я согласен с вами. **Придворный.** Субъективная лирика – великое дело, молодой человек. Она дает избранным часы эстетического отдыха и позволяет им, хоть на минуту, забыть голос капризной черни. О, я готов желать, чтобы вся литература была подобна вашим стихам! Такая поэзия не развращает нравов. Непосвященным ведь недоступно ничего, кроме разнузданных желаний: есть, иметь крышу над головой – вот все, что им нужно, как вы могли сами убедиться сейчас. Зато избранники, отирая потное чело, могут коснуться устами нетронутых краев священной чаши. *(Чрезвычайно доволен своею речью.)* **Поэт.** Мне лестно ваше внимание к Музам. Ваши слова оживили меня. Тем более, встречая столь разностороннего человека, как вы, я хотел бы воспользоваться вашими указаниями. Считаю долгом ответить вам откровенностью на откровенность: долгое служение Музам порождает тоску. Под ногами разверзаются бездны. Двойственные видения посещают меня. Я хочу твердой воли, цельных желаний, но не годен для жизни. В

женщинах меня влечет и отталкивает вместе – их нежность и лживость. Я ищу человека, который бросит живые семена в мою растерзанную, готовую для посева душу. **Придворный.** Ваше признание хватает меня за сердце. Особенно запомнилось мне то, что вы говорили о женщинах. Это так остроумно и так глубоко. О, как мне это знакомо. Любить одну, но не уметь предпочесть ее другой... (С улыбкой припоминает что-то.) **Поэт.** Я говорил не совсем так. Я хотел сказать не о двух, а об одной... **Придворный.** В таком случае это еще остроумней и тоньше, молодой человек. Красноречие ваше – редкая черта в людях нашего века. **Поэт (загрустил).** **Придворный.** Теперь так мало действительно полезных и нужных людей, что я, не шутя, имею на вас виды; не имеете ли вы ко мне какой-нибудь специальной просьбы? **Поэт.** Мне кажется иногда, что я избавился бы от тоски на государственной службе... **Придворный.** Это все, что я хотел слышать от вас, молодой человек! Мне нечего возразить вам – в наших симпатиях и вкусах мы вполне солидарны. Надеюсь, вы не откажетесь принять мои предло-

жения. Ваши речи о двойственности создали в моем уме блестящую комбинацию; мы будем готовить вас к дипломатической карьере. **Шут** (*поздравляет поэта, который еще грустит*) . **Придворный** (*шуту*) . Вы также оказали мне неоценимые услуги. У меня найдется и для вас поручение. (*Таинственно указывает на нищих, которые все еще стоят невдалеке*) . **Шут** (*делает знак, что понял*) . **Придворный** (*обращаясь к нищим*) . Господа, мы рассмотрели ваши просьбы. Я счастлив сказать вам, что сегодня народ не обманул надежд своего правительства. Близко соприкоснувшись с вами, я нашел двух слуг для государства. Это ясно свидетельствует о том, что силы народные не оскудевают. Так же не оскудеет и наше попечение о вас. (*Быстро уходит.*) **Шут** (*поэту*) . Итак, мое разумное вмешательство принесло вам пользу. Да здравствует отечественная поэзия и государственная служба! А главное, да здравствует примиривший их здравый смысл!

Бежит вослед удаляющемуся поэту. Через некоторое время за сценой слышна отчаянная потасовка. Шут выбегает растрепанный.

Шут. Каков поэтический темперамент! Он вырвал у меня клоч волос и кричал, что не хочет быть дипломатом! Напрасно я принял участие в его судьбе! Взгляните, как пострадал я за правду, и выслушайте мою благородную мораль: никто, никогда и нигде...

Не досказав, бросается искать удочку, так как приближаются новые жертвы здравого смысла.

